

О.И. Плешкова

ЭВОЛЮЦИЯ ОБРАЗА ГЕРОЯ В СКАЗКАХ ПИСАТЕЛЕЙ АЛТАЯ ВТОРОЙ ПОЛОВИНЫ XX ВЕКА

В работе рассмотрены тенденции развития литературной сказки писателей Алтая. Основное внимание уделено эволюции образа героя. Методологической основой исследования выступают работы Ю.Н. Тынянова о литературной эволюции.

Ключевые слова: художественный образ, литературная сказка, литературный герой, литературная эволюция, детская литература.

O.I. Pleshkova

THE EVOLUTION OF THE HERO IMAGE IN WRITERS' FAIRY TALES ALTAI THE SECOND HALF OF THE XX CENTURY

The work is considered of development's tendencies of literary fairy tale of Altai's writers. The main attention is paid to evolution of the hero image. The methodological base of research is J.N. Tynjanov's scientific works of literary evolution.

Key words: artistic image, literary fairy tale, literary hero, literary evolution, children's literature.

В центре нашего внимания – эпические литературные сказки, созданные писателями Алтая для детей дошкольного и младшего школьного возраста. Следует отметить малоизученность этой части творчества писателей Алтая. Внимание исследователей сконцентрировано, преимущественно, на авторах, создавших и создающих произведения для взрослых читателей. Среди этих писателей – Г. Гребенщиков, В. Шукшин, М. Юдалевич, Л. Мерзликин, В. Свинцов и др. [1–6].

Обращение к жанру литературной сказки, рассмотрение во временном аспекте изменений в структуре образа героя способны продемонстрировать различные тенденции литературы Алтая, выявить литературную эволюцию, что является немаловажным компонентом для изучения отечественного литературного процесса.

В настоящем исследовании понятие «литературы Алтая» объединяет писателей и поэтов двух территориальных единиц – Алтайского края и Республики Алтай, что видится логичным в аспекте продолжительного существования их в едином культурно-географическом пространстве, вплоть до 1990 года.

Сказки для детей в литературе Алтая начинают появляться в 1950-е годы XX века. В 1950–1970-е годы написаны сказки Ивана Злывко и Нины Головиной, Ивана Атаманова, Лазаря Кокышева, Александра Ередеева и др. В 1980–1990-е годы начинают публиковать сказки Владимир Свинцов, Георгий Рябченко, Нина Родионова и др. В наше

время сказки для детей присутствуют в творчестве Анны Никольской-Эксели, Ирины Цхай, Юстасии Тарасавы, Анны Самойловой, Елена Бызовой и др.

Сказки 1950 – начала 1960-х гг. отличает тенденция к утверждению значимости коллективного труда, любви к Родине, что, в целом, созвучно отечественной советской литературе этого периода. Структурная наполняемость положительного образа сказочного героя здесь включает: высоконравственные качества характера (защита общего дела от различных врагов, отказ от личного в пользу общественного, коллективного и пр.), часто – непривлекательная внешность, красота которой раскрывается в процессе совершения добрых дел. Среди поступков героя доминирует стремление к совместному созидательному труду, осуждение «ничего неделанья» (что интерпретируется как тунеядство), осуждение гордости. Отрицательных героев сказок этого периода отличает пристальное внимание к своей внешности, игнорирование коллективного мнения и пр. Это можно наблюдать в сказках И. Атаманова «Чужие перья», «Заяц-путешественник» и др. [7], [8, с. 5–9], сказке А. Ередеева «Чертышкэ» [9, с. 23–25], сказках Ивана Злывко и Нины Головиной «Почему папоротник не цветёт», «Чванливый петух», «Храбрый лягушонок» и др. [8, с. 77–93; 10], сказке Георгия Рябченко «Сказка о храбром Снегуре» [8, с. 259–262] и др.

Так, например, Чертышке – герой одноимённой сказки А. Ередеева – хвастливый, гордый,

не слушающий родителей медвежонок. Убежав в тайгу, он встречает там разных зверей. Значимо, что автор показывает, что все они, в отличие от Чертышке, заняты делом, трудятся [11, с. 74–75], [12, с. 101–103]. Песни Чертышке только подчёркивают его пустое бахвальство и фиксируют негативное отношение читателя к этому герою:

Моё имя – Чертышке,
никого я не боюсь,
и в тайге не заблужусь.
Вот какой я, Чертышке!
<...>
Кто орехи щёлкать может?
Это только Чертышке!
Когти острые, как ножик,
у кого? У Чертышке!
Кто в тайге меня обидит,
Силу тот мою увидит! [8, с. 24]

Эпизод спасения хвастливого Чертышке от филина очень значим. Двое медвежат, несмотря на свой малолетний возраст, выручают героя из беды, демонстрируя тем самым значимость духа сплочённости и высокую нравственность. Они не проходят мимо попавшего в беду незнакомого им медвежонок, не пугаются, не убегают. А прогнать злого филина им удаётся только совместными усилиями. Таким образом, обозначенные выше элементы структуры образа героя сказок этого периода – стремление к коллективному, общественному делу, приносящему пользу всем, игнорирование личного, осуждение тунеядства и непослушания, в сказке А. Ередеева очевидны.

Любопытны сказки 1950–1960-х годов, созданные И. Злышко и Н. Головиной. Так, в сказке «Почему папоротник не цветёт» (1953) также доминирует тема противопоставления героя-одиночки коллективу. Одиночество интерпретируется как негативное качество гордого героя. Герой необычен – это папоротник. «Объяснительное» название произведения и начало повествования («Давным-давно это было» [10, с. 20]) указывают на элементы использования авторами этиологического мифа. Безусловно, в сказке также трансформируется существующий миф о волшебном цветке папоротника, исполняющем заветные желания.

Папоротник изображён среди цветов, которые представляют часть определённой производственной цепи с функцией передачи пыльцы и нектара для дальнейшей переработки: «Слетелись на полянку пчёлки-работницы, бабочки-

танцовщицы, букашки разные, с цветка на цветок порхают, пыльцу и нектар собирают» [10, с. 20]. Таким образом, в сказке проявляются элементы так называемой производственной прозы, развивающейся в литературе советских десятилетий. Положительные герои производственной прозы наделены «чертами человека-труженика, человека-созидателя, противопоставляющего своё активное «я» <...> разрушительным силам (социальному и общественному равнодушию, апатии, пассивной созерцательности)» [13, с. 4].

«Красный, как огонь» цветок папоротника выделяется среди других цветов. Он гордится своей красотой, чего не делают другие цветы – «скромные белые ромашки, весёлые синие колокольчики, гордые яркие тюльпаны» [10, с. 21]. Чрезмерная гордость папоротника приводит к одиночеству героя. Авторы вводят в текст несколько реплик горделивого папоротника, лексика которых способствует созданию его негативного образа. Папоротник не хочет давать свою пыльцу на общее благо, на общее дело, унижает как пчёл, так и своих «собратьев»: «Не смейте трогать, вы меня пылью запацкаете, лапками поцарапаете, красоту мою испортите», «Как вы смели, ничтожные колокольчики да ромашки, рядом со мной вырасти, только любоваться мной всем мешаете!», «Не для того я расцвёл, чтобы надоедливых пчёл поить-кормить!» [10, с. 20–22]. Отказавшись от общего дела, герой остаётся одиноким, что сближает его с отрицательными героями производственной прозы.

Наказанием для папоротника является его перерождение в пустоцвет, о чём в сказке предупреждает колокольчик: «Глупый ты да и только <...> о том и не подумал, что пчёлы опылили бы твой цветок, семенам вырасти помогли, а так ты пустоцветом можешь остаться». В итоге у папоротника, держащегося изолированно от коллектива, действительно, не оказывается «ни одного семечка» осенью, и, как констатируют авторы: «с той поры он не цветёт» [10, с. 22].

Знаковым произведением выступает другая сказка И. Злышко и Н. Головиной «Как у ежа иглы появились» (1953). В данном произведении впервые намечается слом тенденции изображения коллективного героя в сказках писателей Алтая. Несмотря на доминирование в искусстве этого периода так называемых внелитературных (в данном случае – политических) факторов, авторам сказки удалось показать нового героя, его личность, его душевные страдания и муки. Этому

во многом, на наш взгляд, способствует мифопоэтическая составляющая системы произведения и изображение психологической характеристики персонажа. Помимо названных особенностей, сказка И. Злышко и Н. Головиной «Как у ежа иглы появились» содержит этиологический (объяснительный) аспект возникновения внешнего облика ежа. В начале повествования дано описание ежа, где внешность героя («глазки – бусинки», «шерсть мягкая, длинная, пушистая») пронизывается внутренней душевной тревогой: «Уши у ежа чуткие, они только и спасали его, беззащитного» [10, с. 17]. Дальнейшее развитие сюжета представляет внутренний монолог героя, в котором он рассуждает о себе, о своих проблемах (не о проблемах коллектива (!)), что видится совершенно необычным для данной литературной эпохи, обусловленной политическим давлением. Внутренний монолог как один из способов передачи психологизма содержит фольклорную стилистику, а также прямые глагольные названия чувств героя, приведших его к отчаянию: «Лежал однажды ёж, на солнышке греясь, и горькую думу думал про жизнь свою горемычную. У каждого зверя своя защита есть: у кого – зубы, у кого – рога, у кого – когти острые. А ежа кто захочет, тот и съест. Заплакал ёж и решил утопиться. Но до речки и то спокойно не дойдёшь: лиса пробежит – под куст хоронись, волк завоет – опять прячься. Всего и не расскажешь. С утра вышел, а к реке добрался только к вечеру, хотя пройти нужно было всего двести ежовых шагов. Ну, жизнь ли это?» [10, с. 17]. Итак, сказка о еже явно отличается необычностью сюжета и героя. Сказочный герой, доведённый до отчаяния и собирающийся свести счёты с жизнью – утопиться – исключителен. Бесконечной тоской проникнуты строки, воссоздающие эпизод прощания ежа с жизнью: «Помахал ёж лапкой лесу на прощанье и – в воду. Да видно, не пришёл ещё час ежовой смерти» [10, с. 17]. Следующий эпизод, содержащий мифологему реки, как бы предвосхищает знаменитую сказку С. Козлова «Ёжик в тумане» (1967), и образ знаменитого Ёжика, путешествующего по реке жизни. Река в сказке И. Злышко и Н. Головиной не принимает ежа («вода ли вынесла, сам ли выкарабкался...»), и, более того, как один из древних языческих покровителей, река дарит ему подарок: способствует наделению героя особой колючей шерстью (по сути – застывшей на морозе и превратившейся в острые сосульки шерсти самого ежа). Следующие эпи-

зоды – встречи ежа со своими давними обидчиками – «лисой-сплетницей» и зубастым волком, которые, уколотившись о ледяные сосульки, убегают прочь. После этих встреч «пошла по лесу молва про ежовую шубку колючую» [10, с. 18]. После зимней спячки, во время которой ежу снилась «шубка колючая», герой опять начинает грустить, поскольку весной острые сосульки растаяли. Однако, злоключения бедного ежа завершаются встречей с традиционным фольклорно-волшебным героем-помощником, которым в сказке И. Злышко и Н. Головиной выступает сосна. Ёж спасает сосну от «злых серых разбойниц» – мышей, грызущих её корни. Спасённая сосна благодарит ежа: даёт ему своего сока – «янтарной смолы», которая функционально близка волшебной живой воде. Эпизод общения ежа и сосны варьирует фольклорно-мифологические элементы и представляет огромную значимость для раскрытия концепции образа главного героя. Так, оживанию сосны, обретению ею речи предшествует «грустная песня» ежа, восходящая к традиционному фольклорному плачу. Ёж в песне жалуется на свою горькую судьбу, на отсутствие «в живых» (!) некоего звериного портного, который смог бы сшить ему шубу, защищающую от недругов:

Только ёжик день-деньской
Не расстанется с тоской <...>
Только, видно, шубы новой
Мне иметь не суждено,
Ведь звериного портного
Нет в живых давным-давно [10, с. 19].

Песня-плач ежа обрывается внезапно заговорившей сосной. Наречие вдруг, традиционно сопутствует в фольклорной сказке появлению чего-либо необычного, неожиданного: «Вдруг сосна ветвями качнула и говорит...». (Ср.: «вдруг, откуда ни возьмись», «вдруг поднялся стук да гром» и т. п.). Фольклорно-стилизованная, эпически-размеренная, инверсированная речь сосны, этого героя-помощника, содержит и новую номинацию главного героя – Ёж Ежович – тем самым как бы подчёркивая обретение им нового статуса: «Не горюй, Ёж Ежович, не печалься, за услугу твою я тебе помогу. Напою я тебя своим соком янтарным, превратится шерсть твоя в иглы колючие» [10, с. 19]. До обретения игл у ежа в сказке отсутствует как имя (лексема ёж пишется с маленькой буквы), так и отчество, в русских традициях подчёркивающее и соотносённое с

родителем, и уважение окружающих. Таким образом, обретение героем имени тесно связано с обретением им нового облика, а следовательно, и новой функции, статуса – колючего Ежа Ежовича теперь не будут обижать лесные недруги. Описание процесса превращения шерсти ежа в иглы также фольклорно-стилизованно, напоминает волшебство, заговор, обретение силы героем фольклора (например, богатырём Ильёй Муромцем), чему способствует и принцип тричности (сосна даёт ежу три капли смолы): «И выступили на коре три капли смолы золотой, пахучей. Выпил ёж одну каплю – шерсть вся дыбом поднялась, выпил вторую – превратилась шерсть в иглы, выпил третью – стали иглы у него твёрдыми да острыми, как шипы терновника» [10, с. 19]. Цвет смолы – янтарный, золотой – позволяет говорить о доминанте жёлтого цвета, семантика которого восходит к традиции мифопоэтической и фольклорной соотнесённости с цветом солнца и в целом призвана символизировать добро, счастье [14, с. 244–255; 15, с. 147]. Получив новую одежду, счастливый ёж обретает спокойствие. Фактически, сосна, благодарная ежу за спасение, уподобляет его мех своим иглам, в чём проявляется традиционное сопоставление колючести ежа и ели, сосны: «И стал ёж с той поры жить не тужить и с сосною дружить» [10, с. 19]. Обилие единоначалий (с союза и) придаёт сказке И. Злышко и Н. Головиной интонацию торжественности, сближает текст с жанрами легенды, предания, сказания. Этому же способствует и наличие в речи сосны рифмы и элементов трёхсложного стихотворного размера – анапеста:

...за услугу твою я тебе помогу. Напою я тебя своим соком янтарным... [10, с. 19].

U U – / U U – / U U – / U U –
U U – / U U – / U U – / U U – / U

Синтез различных жанровых элементов в сказке «Как у ежа иглы появились» обнажает особенности жанра литературной сказки, где автор в процессе создания своего произведения свободно обращается с текстами предшествующих эпох, демонстрируя тем самым момент эволюции литературы [16, с. 255–282, 284–310]. В целом, данная сказка презентовала нового героя в детской литературе Алтая. Здесь впервые была представлена личность героя, становлению которой помогает не коллектив (как, например, в сказке А. Ередеева «Чертышке», или в сказке И. Атаманова «Заяц-путешественник»), а другая личность – в данном

случае – сосна. Конструктивными отличиями образа героя в данной сказке И. Злышко и Н. Головиной выступает также наличие психологизма, выраженного в изображении страданий ежа по поводу того, что он – не такой, как все.

Таким образом, жанр литературной сказки, активно развивающийся в творчестве писателей Алтая в 1950-е – начале 1960-х годов демонстрирует значимость коллективного, общественного (что было характерно в целом для данного литературного периода), с постепенным нарастанием лирического начала, обращением к личности героя, его психологическим проблемам.

В 1970–1980-е годы проблематика литературных сказок писателей Алтая меняется, что находит отражение и в художественных особенностях текстов. От внимания к коллективному труду, от воспевания героя-труженика намечается переход к изображению личности, что соответствовало духу времени, общим тенденциям отечественного литературного процесса. Появляются сказки философского содержания – о дружбе, верности, и, самое главное – о предназначении человека.

В сказках этого периода происходит обращение к мельчайшим элементам природного мира – дождевой капле, снежинке и пр., что подчёркивает концептуальный отход от коллективного образа, преобладающего в литературе 1950-х годов. Герой сказки, разглядывающий снежинку, дождевую каплю, замирающий перед красотой природы – созерцателен. Фактически – он – художник, в отличие от строителя и создателя в сказках 1950-х годов. В этом, безусловно, проявляется созвучие тенденций развития жанра сказки в творчестве писателей Алтая сказкам других советских писателей (например, в это же время, в 1970-е годы, создаёт свои лирико-философские произведения о Ёжике и Медвежонке С. Козлов).

Обращаясь к сказкам писателей Алтая, хочется, в первую очередь, отметить «Сказку о Снежинке» (начало 1970-х годов) Л. Кокышева, где при ослабленном сюжетном действии доминирует лирическое содержание. Начало сказки изображает приход зимы в некий город. Значимо, что город безымянен, абстрактен, что даёт основание сопоставить его с любым городом, в том числе и с городами Алтая – Барнаулом, Бийском, Горно-Алтайском и др. Город мрачен и холоден, в нём, как кажется, нет места жизни. Выбраться из города практически невозможно, и только манекены (куклы, подобию людей) остаются изящными:

«Низкое пасмурное небо висело над городом. И оттого город казался придавленным и оглохшим. Почти бесшумно скользили по асфальту автобусы, люди куда-то спешили; из-за витрин магазинов неподвижно смотрели изящно одетые манекены... Холодом веяло от близких ледников. Город был окружён горами, даже непонятно было, как отсюда можно было выбраться...» [17, с. 28].

На фоне мрачного города автор выделяет детей, мировосприятие которых отличается от мировосприятия взрослого человека. Героиня сказки – Снежинка – будет увидена и понята только детьми, остальные эпизодические персонажи (парень и девушка, толпа людей у театра, человек в меховой шапке) волшебную Снежинку просто не заметят. Городской сад, где гуляют дети, наделён признаками запустения и разрушения: помост танцплощадки сравнивается с палубой заброшенного фрегата, олицетворённые деревья словно доживают последние дни – они стряхивают остатки сухих листьев, по пустынным аллеям гуляет ветер... Но автор отмечает, что несмотря на такие очевидные факты, сад детям представляется «огромным и загадочным». И встреча первого снега, где снежинки сравниваются с «десантниками на белых парашютиках», детьми воспринимается радостно, с изумлением. Они кричат: «Снег, снег!» После пространного описания города и детей вводится образ главной героини – Снежинки. Снежинка выделяется среди других «десантников» наличием имени, характера (она обижается, радуется и пр.) и собственной истории. Путешествуя по городу в поисках хорошего места для посадки, Снежинка в итоге находит его в саду среди детей. Дети радуются Снежинке, называют её по имени и просят опуститься именно к ним. Дети выделяются на фоне холодного города ещё и наличием разноцветных рукавичек, что вносит в тягостную повседневность некую яркость многообразного мира. Дети кричат, «подставляя красные, синие, зелёные, жёлтые рукавички: «Опустись, Снежинка, опустись!» В этом эпизоде Снежинка ассоциативно напоминает бабочку, кружащую над цветами. Вспоминается лето, и холод, которым пронизана сказка, отступает. Снежинка выбирает для посадки синюю рукавичку, цвет которой, возможно, кажется близким её родному цвету – цвету снега. Мальчик, на чью рукавичку опускается Снежинка, удивляется её красоте, восхищается и говорит об этом другим

детям. После того, как Снежинка тает, мальчик плачет от жалости, что вновь демонстрирует авторскую концепцию чистоты и непорочности детей, способных увидеть и оценить прекрасное. Завершается сказка утверждением вечности красоты. Маленький мальчик плачет, ещё не зная, что «Снежинка вернётся», но знанием этим обладает вездесущий автор. Его рассказ о круговороте воды в природе, пронизанный элементами традиционной сказочной стилистики, убеждает читателей (в том числе и детей) в значимости маленькой Снежинки для всей жизни на земле: «Растаяв и испарившись, она (Снежинка – прим. О.П.) упадёт на землю каплей росы или дождевой. И тогда на земле вырастут цветы и травы, появятся на деревьях зелёные листочки, и маленькие дубки в старом парке тоже немного подрастут...» [17, с. 29–30] Многозначие в конце сказки указывает на незаключённость истории о Снежинке.

Сложная философская проблема красоты, её предназначения и восприятия окружающими поднимается в сказках В. Свинцова «Цветок шиповника» (1977) и З. Пироговой «А ты для чего?» (1982). Так, герой сказки В. Свинцова – цветущий шиповник – случайно гибнет от рук «обыкновенного мальчика», который играет в «бойца Конной Армии» и не замечает красоты цветов. Важно, что автор акцентирует внимание на таких структурных элементах образа своего героя-цветка, как внешняя красота, открытость миру и любовь. Раскрытие бутона, появление цветка напоминает некое сакральное действие, на что работает сравнение цветка с солнцем и цветопись (розовый, жёлтый): «Рано утром раскрылся бутон, развернул розовые лепесточки и потянулся к солнцу, да и сам он был словно маленькое солнце: лепестки – лучи розовые, серединка цветка – весёлая, жёлтая...» [18, с. 111]. Жизнь «новорождённого» цветка наполнена гармонией с природой, что раскрывается системой его действий: шиповник цветёт, смотрит в синее небо, тянется к солнцу, никому не мешает, радуется, шевелится вместе с ветерком, нежно касается лепестками веток, шепчет ласково слова любви к миру [11, с. 77–78], [12, с. 105–106]. Герои сказки З. Пироговой – Зайчонок, Ёлка, Шиповник и др. – рассуждая о том, для чего нужна Ромашка, приходят к выводу, что она нужна для красоты [11, с. 78], [12, с. 105]: «Ты как зацветёшь – сразу наша лужайка оживает. Всем от этого радостно, хоть у кого спроси! Просто так – ничего не бывает!» [19, с. 36].

В целом, рассмотренные образы героев сказок 1970–1980-х годов отличаются от героев сказок 1950–1960-х годов структурной составляющей. Они индивидуализированы, наделены частной жизнью. Коллективный труд как цель и смысл человеческого существования, отличающие многих героев сказок А. Ередеева, И. Атаманова, некоторых сказок И. Злывко и Н. Головиной и др. писателей, у этих героев замещён мирозерцанием, значение которого – постижение красоты и гармонии мира.

Таким образом, в период 1970–1980-х гг. в сказках писателей Алтая намечается тенденция индивидуализации героя, наделение его личностными качествами, сложными психологическими

эмоциями, связанными с восприятием красоты и гармонии мира. Данная тенденция найдёт яркое воплощение в лирико-философских, фэнтезийных и – часто – комических, пародийных произведениях конца 1990–2000-х годов – сказках Нины Родионовой [20], Ирины Цхай [21], Анны Никольской-Эксели [22], Анны Самойловой [23, 24], Юстасии Тарасавы [25, 26], Елены Бызовой [27] и др. Эволюция образа героя литературной сказки в творчестве писателей Алтая второй половины XX века, движение от коллективного к личному, от возвышенного к комическому, пародийному отражает особенности литературного процесса рассматриваемого периода.

Библиографический список

1. Литературная карта Алтайского края [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://akunb.altlib.ru/files/LiteraryMap/Personnels/index.html> (дата обращения: 12.12.2015).
2. Черняева, Т. Георгий Гребенчиков и его роман «Чураевы» [Электронный ресурс] / Т. Черняева. – Режим доступа: <http://akunb.altlib.ru/files/LiteraryMap/Texts/Grebenchikov/074.htm> (дата обращения: 10.01.2016).
3. Козлова, С.М. Поэтика рассказов В.М. Шукшина / С.М. Козлова. – Барнаул : Изд-во Алтайского государственного университета, 1992. – 181 с.
4. Творчество В.М. Шукшина : энциклопедический словарь-справочник : в 3 т. / Алтайский государственный университет, Администрация Алтайского края, Комитет администрации Алтайского края по культуре и туризму ; науч. ред. А.А. Чувакин ; редкол.: В.В. Десятов [и др.]. – Барнаул : Изд-во Алтайского университета, 2004–2006.
5. Литература Алтая в культурном пространстве региона : учебно-методическое пособие для студентов филологического факультета и в помощь учителю-словеснику / Барнаульский государственный педагогический университет [и др. ; сост.: Э.П. Хомич, Л.Ф. Шелковникова]. – Барнаул, 2007. – 159 с.
6. Чащина, Л.Г. Русская литература Горного Алтая : учебное пособие для студентов-бакалавров гуманитарных направлений [Электронный ресурс] / Л.Г. Чащина, Э.П. Чинина ; Горно-Алтайский гос. ун-т. – Горно-Алтайск : Горно-Алтайский гос. ун-т, 2014. – 84 с.
7. Атаманов, И. Чужие перья / И. Атаманов. – Барнаул : Алтайское книжное издательство, 1963. – 15 с.
8. Литература Алтая в детском чтении. Читайка раннего детства : хрестоматия / сост. Л.Н. Зинченко. – Барнаул : Алтайский дом печати, 2011. – 447 с.
9. Литература родного края : учебно-методическое пособие для 2 класса начальной школы / сост. Л.Н. Зинченко, И.В. Фёдорова. – 2-е изд., испр. – Барнаул : БГПУ, 2009. – 57 с.
10. Злывко, И.С. Сказки / И.С. Злывко, Н.А. Головина. – Барнаул : Алт. краев. изд-во, 1953. – 54 с.
11. Плешкова, О.И. Теория литературы и практика читательской деятельности : учебное пособие [для студентов вузов] / О.И. Плешкова ; Алтайская государственная педагогическая академия. – Барнаул : АлтГПА, 2011. – 240 с.
12. Плешкова, О.И. Теория литературы и практика читательской деятельности : учебное пособие [для студентов вузов] / О.И. Плешкова. – 2-е изд., перераб. и доп. – Москва : Флинта : Наука, 2016. – 206 с.
13. Варфоломеева, Т.А. Нравственные искания человека труда в советской «производственной» прозе (на материале художественных произведений В. Кожевникова, Г. Владимова, В. Попова) / Т.А. Варфоломеева : автореф. дис. ... канд. филол. наук. – Ташкент, 1992. – 21 с.
14. Пропп, В.Я. Исторические корни волшебной сказки / В.Я. Пропп. – Москва : Лабиринт, 2002. – 336 с.
15. Зуева, Т.В. Русский фольклор : учебник для высших учебных заведений / Т.В. Зуева, Б.П. Кирдан. – 3-е изд. – Москва : Флинта : Наука, 2001. – 400 с.
16. Тынянов, Ю.Н. Поэтика. История литературы. Кино / Ю.Н. Тынянов. – Москва : Наука, 1977. – 574 с.
17. Литература родного края : учебно-методическое пособие для 3 класса начальной школы / сост. Л.Н. Зинченко, И.В. Фёдорова. – Барнаул : БГПУ, 2008. – 62 с.
18. Свинцов, В.Б. Клыч-клу-у : рассказы и сказки / В.Б. Свинцов. – Барнаул : А.Р.Т., 2007. – 134 с.
19. Пирогова, З.Т. Где живет птица ронжа : рассказы и сказки / З.Т. Пирогова. – Ленинград : Дет. лит, 1982. – 60 с.
20. Родионова, Н.В. Сказки / Н.В. Родионова. – Барнаул : Алтайская краевая детская б-ка им. Н.К. Крупской, 2014. – 28 с.
21. Цхай, И. Поющая радуга : сказки / И. Цхай. – Барнаул : ИД «Алтапресс», 2011. – 64 с.
22. Никольская-Эксели, А.О. Город собак / А.О. Никольская-Эксели. – Москва : Аквилегия-М, 2010. – 255 с.

23. Самойлова, А. Тинь [Электронный ресурс] / А. Самойлова. – Режим доступа: <http://www.anna-samoylova.ru/work/tin> (дата обращения: 05.01.2016).
24. Самойлова, А. Котик Полосатик и птичка [Электронный ресурс] / А. Самойлова. – Режим доступа: http://samlib.ru/editors/a/anna_s_g/kotik_polocatik_i_ptichka.shtml (дата обращения: 05.01.2016).
25. Тарасава, Ю. Егорка и Змей Добрыныч: повесть-сказка / Ю. Тарасава. – Барнаул : Азбука, 2009. – 164 с.
26. Тарасава, Ю. Приключения Сырного Мальчика : повесть-сказка. – Москва ; Барнаул : РУСАКИ; Концепт, 2009. – 147 с.
27. Бызова, Е.Ю. Большое приключение маленькой девочки. Сказка / Е.Ю. Бызова. – Барнаул : Алтайский дом литераторов, 2013. – 103 с.